

И. В. Матвеева
(Челтенхем, Великобритания)

Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний

Под наукой русской провинции обычно понимают теоретические и прикладные исследования, проводимые в областных центрах. Однако за последние годы интерес к научной разработке ряда проблем проник и в самую «глубинку» русской провинции. Причем среди вопросов, интересующих районных и сельских краеведов, учителей, других местных интеллигентов, наряду с сюжетами о русской, главным образом местной истории и культуре, определенное место стали занимать связанные с их «малой родиной» проблемы, которые представляют несомненный интерес в общеславянском контексте. В июле 2002 г. мне, например, пришлось выступать с докладом в небольшом ярославском райцентре Мышкине, где уже несколько лет осенью проводятся «Опочининские чтения», а летом — конференции «На земле Святого Кассиана» (первые названы по имени купца Ф. К. Опочинина, основателя местной библиотеки, построившего для нее лучшее в городе здание, вторые — в честь местного святого, основавшего разрушенный в 1930-е гг. монастырь в селе Учма)*. Я рассказывал о семье, давшей отечественному славяноведению академика В. И. Пичету, поскольку один из членов этой семьи серб Душан Семиз (1884—1955) долгие годы был связан с Мышкиным и закончил там свою полную невзгод и лишений жизнь. А в мае 2003 г. я получил приглашение из подмосковного Воскресенска рассказать о русских эмигрантах в Болгарии. Местные энтузиасты изучения своего края, инициатором многих начинаний которых является воскресенский житель, преподаватель физики одного из московских вузов Андрей Константинович Лебедев, заинтересовались биографией и деятельностью священника Андрея Ливена, представителя рода светлейших князей Ливенов, имения которых были до октября 1917 г. расположены в окрестностях их родного города. Князь Андрей Ливен принял сан в Болгарии, куда он эмигрировал в составе белой армии, и вскоре занял видное положение

* Материалы этих конференций уже в течение нескольких лет регулярно издаются местным краеведческим музеем и районной Опочининской библиотекой, печатаются в мышкинской типографии и продаются в Мышкине по самым низким ценам. Статья: *Горяинов А. Н.* Протоиерей Иоанн Пичета и его потомки: (Из родственных связей Душана Семиза) опубликована в недавно вышедшем выпуске 4/5 «Учемского сборника», заключающего в себе материалы двух последних конференций «На земле святого Кассиана» (Мышкин, 2003. С. 86—94).

среди русских священнослужителей в этой стране, став ближайшим помощником главы объединения русских церковных общин архиепископа Серафима (Соболева). В ходе подготовки к докладу я написал своей знакомой, бывшей москвичке Инне Валентиновне Матвеевой, жившей до 1954 г. в Болгарии и бывавшей в доме о. Андрея. Ныне эта почтенного возраста дама переехала к дочери в Англию. Сначала Инна Валентиновна любезно согласилась написать воспоминания об о. Андрее (они были положены мною в основу доклада), а затем, узнав от меня об итогах конференции, продолжила писать и присылать воспоминания о жизни русской эмиграции в Болгарии.

Вполне понятно, почему конференция в Воскресенске стала одним из стимулов, побудивших Инну Валентиновну продолжить свои мемуары. Воскресенские энтузиасты сделали все, чтобы она прошла интересно и закончилась на трогательных нотах. Представленные на конференции доклады в популярной форме познакомили участников с разными сторонами деятельности о. Андрея. Организаторы пригласили на нее родственников А. Ливена из Испании, Франции и Англии. Среди них была младшая дочь о. Андрея Мария. Другая его дочь Ольга, ныне монахиня Серафима, настоятельница девичьего монастыря Покрова Пресвятой Богородицы в Софии, прислала организаторам «Краткое описание духовного облика протоиерея Андрея Ливен». На конференции родственники выступили со своими воспоминаниями, в зале демонстрировались картины с видами бывших усадеб Ливенов работы местных художников, читались его стихи, а воскресенская журналистка О. А. Чеботаренко специально к конференции написала акварельный портрет о. Андрея. В зале присутствовало около ста человек, главным образом представители местной интеллигенции, интересующиеся прошлым своего края. Чтобы дать им возможность принять в конференции участие, организаторы проводили ее в субботу и воскресенье.

Ниже публикуются два отрывка из воспоминаний И. В. Матвеевой, написанных в связи с конференцией в Воскресенске. Сейчас автор продолжает работу над мемуарами, и есть все основания полагать, что новые их главы будут не менее интересны, чем предлагаемые читателю.

Воспоминания Инны Валентиновны Матвеевой написаны очень живо и непосредственно, но они нуждались в стилистической правке, которая сделана с согласия И. В. Матвеевой и одобрена ею.

А. Н. Горяинов (Москва)

Трудовая деятельность русских эмигрантов до войны 1939 г.

Для того чтобы понять, как складывались судьбы русских эмигрантов в г. Софии, надо представить себе условия болгарской жизни начала 1920-х гг. и ее характерные особенности к моменту появления в Болгарии русских эмигрантов.

После окончания Первой мировой войны Болгария, как побежденная страна, должна была в соответствии с условиями мирного договора платить репарации, что она и делала в течение многих лет. Это замедляло развитие страны, особенно провинции. В результате провинциальные жители стремились переселиться в столицу, где уже насчитывалось 250 тысяч человек. Приток коренного населения совпал по времени с появлением в Софии первой волны русских эмигрантов, и город оказался перенаселенным. В болгарской столице, состоявшей главным образом из небольших частных домов, было трудно найти свободную комнату. Много русских эмигрантов вынуждено было селиться в железнодорожных вагонах, стоявших на запасных путях. Гостиницы оказались до отказа заполнены русскими, поселившимися там на неопределенно долгий срок.

В начале 1920-х гг. не прошло еще и пятидесяти лет со времени освобождения от османского ига, и болгары не до конца освободились от привычек, сложившихся при турецком господстве, хотя уже зародилась болгарская интеллигенция — это были главным образом люди, учившиеся в России (большой частью учителя и юристы), или в Западной Европе, преимущественно в Германии (воспитанники различных технических институтов). Положение женщин в болгарских семьях было подчиненное. Женщина была женой, хозяйкой дома, растила детей, но то, что творилось вне дома, было ей недоступно. Она даже не ходила на рынок — продуктами, в первую очередь мясом, семью снабжал муж, а на жене лежала только покупка овощей, которые развозились по домам торговцами на специальных ручных тележках. С соседками общаться, правда, разрешалось, и болгарки ходили друг к другу в гости на чашечку турецкого кофе.

В помощь хозяйке часто нанимали служанку из деревни. Шестого мая (на святого Георгия Победоносца) и 8 ноября (на святого Дмитрия Солунского) в Софии устраивались «базары», на которые родители или специальный посредник («драгоман») привозили девочонок, обычно в возрасте 10–15 лет, которых и нанимали в услужение. Весной служанок предлагалось меньше — в это время года родители чаще забирали их из города в село для работы на огородах и в поле. За труд служанке платили в зависимости от состава семьи, наличия маленьких детей и прочих условий работы, но ее заработная плата всегда была мала; получали зарплату родители. Одевалась служанка так, как привыкла дома — в белую крестьянскую грубую

домотканую рубаху с длинными или короткими рукавами и в одеяние из грубой черной шерстяной ткани типа сарафана — без рукавов, с небольшим отверстием для головы. С головы часто свешивались две косички. Ноги были упакованы в грубые чулки и в лапти, которые потом заменялись сношенными ботинками хозяев. Хозяйка поручала служанке стирать, мыть полы и посуду, подметать двор и улицу перед домом. Она была все время занята, а если оказывалось, что все дела сделаны, хозяйка заставляла ее вязать носки или делать что-то еще, лишь бы она не сидела без дела.

В город выходили и в кофейнях поодиночке сидели только мужчины, женщины всегда выходили из дома только в сопровождении мужа или отца. Интересно, что пожилым людям их более молодые знакомые, как мужчины, так и женщины, целовали руку, а два пожилых человека, встречаясь друг с другом, целовали руки друг у друга. Когда в 1933 г. я, студентка университета (Софийский университет был одним из очень немногих высших учебных заведений в стране), пригласила домой на «чашку чая» своих коллег-болгар, все они, по сохранявшемуся обычаю, перецеловали руки моих родителей.

Поведение русских, довольно неожиданно для местного населения наводнивших Софию, было странно и непонятно болгарам, вызвало их осуждение. Русские мужчины целовали руки у замужних женщин, при чем не только у пожилых, но и у совсем юных. Русские женщины свободно ходили в одиночку по городу, без стеснения встречались и разговаривали со знакомыми мужчинами. Летом они носили привезенные с родины легкие белые платья из «шитья» с вышитыми или вырезанными медальонами, «мережкой» и другой «сквозной» вышивкой; талию их обычно обхватывала цветная или полосатая черно-белая лента, завязанная на спине бантом. Под платьями у русских женщин были красивые нижние юбки с воланами, кружевами и вышитыми медальонами, которые служили для защиты от нескромных глаз прозрачных частей надетого сверху платья, но воспринимались болгарками в совершенно противоположном смысле. Доходило до того, что болгарская женщина хватала русскую за подол платья, поднимала его и, завидя более нарядную, чем верхнее платье, нижнюю юбку, кричала: «Смотрите, они приехали соблазнять наших мужей!», причем это иногда происходило в присутствии мужа-болгарина. Словом наряды, совершенно обычные для русских женщин, вызывали у болгарок возмущение. Наконец, многие русские женщины привезли с собой меха и различные меховые изделия, которых не было у болгарок, и отсюда появилось выражение «одета, как русская княгиня», под которым подразумевалось наличие у какой-либо эмигрантки шубы, жакета или даже просто горжетки из любого меха. Как это ни обидно и ни несправедливо,

русских женщин часто называли «развалена рускиня», то есть «развратная русская».

Бывали в первые годы пребывания русских эмигрантов даже случаи дикой расправы с ними со стороны чинов болгарской полиции. Всю русскую колонию всколыхнуло однажды ужасное происшествие с 18-летней русской девушкой, дочерью царского генерала. Девушка работала кельнершей в русском ресторане «Счастье» на улице «Мария-Луиза» недалеко от вокзала. Этот ресторан появился вскоре после того, как большое число русских получило работу на каменноугольных копях в Пернике, в сорока километрах от Софии. С заработной платой новоиспеченные шахтеры приезжали в свободные дни в столицу, чтобы развлечься, и охотно посещали этот ресторан, повара и обслуживающий персонал которого состоял из эмигрантов; кельнершами в ресторане работали русские женщины.

Русские знали, что в русском ресторане их обслуживают настоящие дамы, что пойти на эту работу их заставили низкие заработки мужей и отцов, необходимость помогать семьям. Болгары же смотрели на кельнерш совсем иначе, считая их распутницами. Однажды дочь генерала, поздно окончив работу (софийские рестораны обычно закрывались только к полуночи, а затем надо было сдавать деньги и подводить итоги дня) возвращалась домой по безлюдному ночному городу, и к ней стал приставать болгарин. Тогда девушка направилась к находившемуся на посту полицейскому, но болгарин ее опередил, и сам обратился к полицейскому с просьбой избавить его от приставаний русской. Полицейский, несмотря на протесты, тут же задержал генеральскую дочь и доставил ее в участок. Разыскать девушку родители и знакомые смогли только через два дня. В полиции она была многократно изнасилована, заражена двумя венерическими болезнями и вскоре покончила жизнь самоубийством. После этого эмигранты стали охранять возвращавшихся домой кельнерш: за ними приходили родственники, их провожали работавшие в ресторане мужчины. Вскоре, однако, обнаружилось, что за провожающими следят полицейские; они требовали, чтобы «чужой» мужчина не заходил с женщиной в дом, а после его ухода продолжали следить за домом, заглядывая в освещенные окна (далеко не все русские в состоянии были купить себе занавески).

Одним словом, поначалу обстановка для русских складывалась сложная. Следует, однако, отметить, что у них были и искренние друзья, особенно среди болгарской интеллигенции. Расскажу здесь об одной статс-даме болгарского царского двора, бывшей русской фрейлине по имени Анна Сергеевна. Потеряв своего жениха, она приехала на время в Болгарию вместе с одной из российских правительственных делегаций, познакомилась там с адъютантом царя Болгарии Асеном Попадоповым и вышла за него замуж.

В 1920–1930-е гг., когда я ее знала, Анна Сергеевна была уже не у дел, но сохранила прочные связи при дворе царя Бориса III. Бывшая фрейлина и статс-дама дружила со многими русскими эмигрантами и всячески старалась им помочь. Она часто заступалась за русских и добивалась для них покровительства Двора. Вот один из таких случаев: подруга и одноклассница дочери П. М. Бицилли Маши Валя Рафалович познакомилась с офицером царской гвардии и хотела выйти за него замуж, но жених не получил разрешения от своего начальства жениться на иностранке. Анна Сергеевна поехала в царский дворец и добилась нужного разрешения. К Анне Сергеевне в Болгарию после русской революции приехала сестра Вера Сергеевна Ратькова-Рожнова. Она жила в Софии, но никогда не пользовалась какими-либо выгодами своего положения родственницы болгарской статс-дамы.

Постепенно русские эмигранты приспосабливались к стране, местному населению и новой жизни. Уехать в Западную Европу старались прежде всего одинокие мужчины. Что до семейных, то они обосновывались в Болгарии чаще. В 1924 г. некоторые белые офицеры смогли даже выписать к себе из России оставшиеся там семьи. Со мной в одном классе в Софийской русской гимназии учились две девочки, приехавшие из СССР, отцы которых работали в Пернике и в Софии.

Обычно мужчины-эмигранты начинали с того, что находили себе работу, связанную с физическим трудом. Те, кто занимался на родине земледелием, осели в деревнях. Там они не только работали на земле, но и скупали овечьи шкуры, дубили их и затем продавали, а впоследствии на этой основе в Софии одним из русских эмигрантов была основана фабрика дубленок, которую в 1947 г. владелец подарил Советскому Союзу. Многие эмигранты освоили шахтерскую профессию, другие стали рабочими на фабриках, трудились на стройках. Большое число русских работало на предприятии «Лоза», где производились вина и делались разные сорта водки, в том числе распространенные в России «Зубровка» и «Охотничья».

Особенно большой вклад внесли русские рабочие в строительство нового софийского водопровода с водозабором из озер на горе Рила (воды с горы Витоша городу уже не хватало), начатого после прихода в 1934 г. в Министерство строительства болгарского инженера Спаса Ганева. Когда в Софии началась прокладка трамвайных путей, в этом деле тоже принимало участие множество русских — от рабочих до начальников строительных участков. Летом в строительство включались русские студенты и гимназисты старших классов, которым в каникулярное время необходимо было заработать деньги на оплату учебы. Они гнули на специальных столах прутья для железобетонных конструкций, подносили каменщикам кирпич. Один

раз русский гимназист сорвался на уровне четвертого этажа с трапа, по которому поднимался с кирпичом... Мы долго не могли прийти в себя после этого ужасного события.

Были, конечно, и дети, состояние здоровья которых настоятельно требовало летнего отдыха. Для них врач Надежда Евгеньевна Дурылина (ее дочери Татьяна и Ольга учились в Софийской русской гимназии) сумела организовать крайне недорогой отдых на море близ Варны. Она добилась бесплатного проезда детей к морю, договорилась о предоставлении им летом дарового помещения. Быт и питание детей были крайне просты, но их отдых обеспечивался.

Наиболее тяжелым было положение в Болгарии инженеров, которые там были никому не нужны в виду слабого развития болгарской промышленности. В течение многих лет оставшиеся в стране русские инженеры различных специальностей вынуждены были работать землемерами, и получение ими такой работы считалось удачей. Все же группе русских инженеров удалось основать предприятие по устройству системы отопления в квартирах. В Софии постоянно росли налоги на недвижимость, и постепенно содержать небольшие частные дома с дворами и садами, составлявшие большую часть города, стало довольно дорого. Предприимчивые строители-болгары начали объединяться в артели для возведения трех-четырёхэтажных кооперативных домов с несколькими квартирами на месте частных земельных владений. В зависимости от стоимости владения его хозяин получал в возводимом доме одну или большее число квартир, магазин, который можно было сдать в аренду и получать значительный доход. Оставшиеся квартиры продавались желающим. Недостатком новых домов являлось неудобное отопление. В Софии оно было печное — в каждой комнате частного индивидуального дома имелась сложенная из кирпича печь, имевшая форму колонки четырехугольного сечения, иногда с круглыми трубчатыми выступами с двух сторон колонки (так называемая «румынская печь») для более протяженного пути горячего воздуха, и, значит, лучшего согревания помещения. В новых кооперативных домах ставили обычно железные печи, выложенные кирпичом изнутри. Такие печи надо было топить уже не дровами, а углем, что создавало грязь в комнатах, каждую из которых по-прежнему отапливала самостоятельная печь. Один из русских инженеров придумал новую, более удобную, тоже железную печь: она устраивалась в облицованной плиткой стене, разделяющей смежные комнаты, а топка находилась в одной из комнат или даже в коридоре. Процесс горения угля, который загружался в такие печи, начинался с верхней части печи и длился в течение целых суток. Руководство предприятием по производству новых печей осуществляли, конечно, русские инженеры, рабочих же они нанимали разных национальностей.

Постепенно русские стали создавать в Софии свои мастерские. Например, появился мастер-печник, бывший юрист; под совместным руководством одного болгарина и русского князя было создано предприятие по изготовлению деревянной мебели. В Софии в 20-е и 30-е гг. XX в. работали три колбасных фабрики, одна из которых славилась своей ветчиной. Русский предприниматель Суханов в обычной софийской квартире организовал свое колбасное производство, которое выпускало ветчину не хуже, чем болгарская фабрика. Он делал также популярные в России сорта колбас: малороссийскую, краковскую, «собачью радость» и другие, в том числе ливерную колбасу, которую болгарские производители делать не умели. При «мини-фабрике» Суханов открыл небольшой магазин, где в полдень ежедневно в продаже появлялась еще теплая ветчина и самые свежие колбасы. Он не только торговал колбасами в «фирменном» магазине, но и снабжал колбасной продукцией еще один магазин, хозяином которого тоже был русский эмигрант. Были и другие колбасные магазины, принадлежавшие русским, но они торговали колбасами болгарского производства. Русский эмигрант Максимович разбогател на селедке, вкуса которой болгары не знали. Он начал торговать так хорошо известной в России соленой сельдью, и товар этот пользовался такой популярностью, что торговец постоянно расширял свое дело.

Часть эмигрантов без специального образования, но с опытом или наклонностями к торговле, занялась продажей дешевой рабочей и подержанной одежды (их называли «бишбазаршики», что на болгарском языке означало «торговцы со вшивого рынка»). Постепенно некоторые из этих людей приобретали достаток, но от остальной русской колонии они были в стороне, и эмигранты относились к ним с известной долей пренебрежения: об образовании своих детей они заботились мало, в гимназии их не отдавали, считали достаточным, чтобы отпрыски умели писать и считать.

В 1929 г. в Софии открылось предприятие, прозванное русскими эмигрантами по образцу сокращенных названий, широко использовавшихся в то время в СССР, «Центрохлам». Оно тоже занималось торговлей подержанной одеждой, но исключительно в интересах русской колонии. Возникновение «Центрохлама» было связано с гонениями на армян в Турции. После этих гонений в Европе оказалось много армянских беженцев, которые были очень бедны. Для помощи им американцы начали собирать чистую ношенную одежду и обувь, паковать их в огромные тюки и посылать в те страны, где проживали армянские беженцы. Представитель в Болгарии старого Российского общества красного креста Леонтий Евгеньевич Фельдман во время своей поездки в США договорился, что в число нуждающихся в одежде будут включены и проживающие в стране его

пребывания русские эмигранты. В Софии были арендованы два соседних дома, в одном из которых помещался склад присылаемых из Америки вещей, а во втором — мастерская по их ремонту и переделке для русских эмигрантов. В «Центрохламе» работали исключительно русские, почти все женщины. В мастерской было занято около сорока человек, иногда бывших барынь, не умевших делать ничего, но научившихся когда-то ради забавы держать в руках иголку. Работницы гладили слежавшиеся в тюках вещи, которые потом поступали в ремонт и на переделку. Руководила и распределяла работу заведующая мастерской, она же следила за выполнением заданий. Рабочий день в «Центрохламе» длился восемь часов с двухчасовым обеденным перерывом, во время которого все расходилось по домам. Из отремонтированной одежды и обуви (в мастерской кроме женщин работало два мужчины-сапожника) работницам «Центрохлама» можно было выбирать кое-что для себя, все же остальное поступало в магазин, где вещи продавались по крайне низким ценам. Выручка шла на оплату труда работников предприятия. «Центрохлам» успешно работал около десяти лет, был закрыт только в 1937 или 1938 г., и многие русские эмигранты поминали его добрым словом.

Русские женщины зарабатывали на жизнь шитьем или открывали домашние столовые. В таких столовых можно было получить блюда русской кухни, при желании обеды выдавались на дом. Напитков в домашних столовых не продавали, но там обычно пекли очень вкусные пирожки, которые русские эмигранты охотно заказывали, когда ждали гостей. Подавали в домашних столовых обычно студентки, атмосфера там была домашняя, не ресторанный.

Впрочем, справедливость требует сказать, что далеко не все русские женщины сумели устроиться в Болгарии сколько-нибудь сносно. Например, признанная в Харькове красавица, жена начальника строительства Северо-Кавказской железной дороги госпожа Гирская, славившаяся в России выездами и одевавшаяся под масть своих лошадей, в Болгарии зарабатывала на жизнь уборкой квартир наиболее обеспеченных русских эмигрантов. В эмиграции это была уже немолодая скромная женщина, оставшаяся без мужа мать двоих детей. Впоследствии ее сын Алексей Гирский стал убежденным коммунистом и в 1940–1950-е годы возглавлял «Клуб советских граждан», в котором были объединены эмигранты, получившие после второй мировой войны гражданство СССР.

Большая группа русских эмигрантов стала учителями. Они преподавали в созданных эмигрантами нескольких русских гимназиях (о них будет рассказано ниже) и в болгарских средних учебных заведениях. В последних изучался русский язык, и эмигранты часто вели уроки русского, а также других языков. Русские учили своему языку и болгарских певцов. Дело в том, что оперная труппа Народного

театра по сложившейся издавна традиции исполняла как русские, так и западноевропейские оперы только на русском языке, театральными режиссерами оперы часто были русские специалисты. Языковой подготовкой хористов занялись русские эмигранты: они помогали актерам избавиться от акцента и добиться правильного русского произношения.

Верный заработок русским давало знание иностранных языков. Опытные преподаватели языков получали хорошие доходы. Особенной известностью и всеобщим уважением пользовался бывший генерал русской армии, потомок французских эмигрантов, бежавших в Россию от революции 1789 г., Ричард Иосифович Термен. Уже пожилой, но еще полный сил человек, он давал болгарам и дипломатам из некоторых иностранных посольств уроки французского языка за довольно высокую плату, а вечером каждый день в течение двух часов бесплатно занимался с русскими студентами и гимназистами. Термен применял при занятиях оригинальную методику, которая давала хорошие результаты. Я училась у него, когда была гимназисткой, и знаю это на собственном опыте.

Другие владевшие языками эмигранты были переводчиками или лакеями в посольствах, банковскими служащими в зарубежных банках, женщины работали гувернантками, а иногда и просто нянями в семьях богатых болгар. Я знала одного полковника (назову его Михаил Эдуардович), который был садовником и выполнял другие работы по дому в состоятельной английской семье; хозяйка дома в этой семье немного говорила по-русски. Однажды она при мне сетовала на то, что Михаил Эдуардович плохо почистил ее туфли. «Если женщина некрасива, да еще туфли у нее не в порядке — это совсем плохо!» — упрекала она бывшего полковника.

Большую помощь болгарскому населению в становлении медицинского обслуживания оказывали русские врачи. Они работали не только в Софии, но и в провинции, в округах и околиях. Обычно, устроившись в провинции, русские не думали о переезде в Софию или другие крупные города, так как это было связано с потерей работы, большими денежными затратами и неопределенностью в будущем. Русскую медицинскую науку представляли эмигранты-профессора, создавшие медицинский факультет Софийского университета. Русский врач доктор Трейман основал в г. Велико-Тырново клинику для туберкулезных больных. Несколько русских врачей возглавили отряды по борьбе с венерическими болезнями, которые обследовали население в ряде районов страны и проводили лечение выявленных заболеваний. Врач Чернецкая создала службу по борьбе с бешенством. Она спасла многих людей. Когда был создан Институт здравоохранения (Институт за народно здраве) Чернецкая возглавила в нем отдел по борьбе с бешенством, и в ее руках было

сосредоточено руководство всеми службами, боровшимися с бешенством на местах. По инициативе Чернецкой были не только организованы по всей стране пункты прививок против бешенства, но она научила бороться с этой страшной болезнью многих болгарских врачей и успешно занималась научной работой в данной области. Однако усилия специалиста, так много сделавшего для Болгарии, не получили должной оценки. Наоборот, один из подготовленных Чернецкой болгарских врачей обошелся с ней безобразно. Став сначала заместителем Чернецкой, он вскоре заменил ее на посту заведующего отделом и начал всячески мешать врачебной деятельности своей бывшей наставницы. В конце концов Чернецкой было предложено досрочно выйти на пенсию, а когда она не согласилась (на ее руках были недоучившаяся одинокая дочь и семилетняя внучка), ей предложили доработать до пенсионного возраста лаборанткой с маленькой заработной платой, что уменьшило размер ее пенсии.

При эвакуации из России белой армии в Софию попал русский военный госпиталь. Он обосновался в доме болгарского врача, русофила по убеждениям доктора Палчева. Палчев сохранил и свою клинику, куда принял на работу несколько русских врачей. Со временем русский госпиталь превратился в больницу, где лечились преимущественно эмигранты. В больнице оперировали хирурги Берзин и Абросимов, которые действовали настолько успешно, что вскоре стали известны всей стране. Особенно прославился своими операциями доктор Берзин, который проводил такие операции, которые не в состоянии был сделать ни один болгарский врач. В тридцатых годах он, например, спас руку одному болгарскому инвалиду первой мировой войны, которая стала неподвижной и почти отсохла после ранения. Берзин определил, что застрявшая в руке пуля задела нерв, и после ее удаления рука инвалида вновь обрела подвижность. Или случай с девушкой, от рождения страдавшей деформацией ступней ног (подъемы ступней у нее оказались внизу, а пятки тянулись вверх). Берзин поставил ступни девушки в правильное положение, и она стала ходить. А одной шестнадцатилетней ученице гимназии, в которой училась и я, Берзин успешно сделал операцию по поводу костного туберкулеза, от которого деформировался позвоночник больной. Он удалил пострадавшие позвонки, заменив их костью из голени девочки, и она вновь обрела стройность. Эта ученица прожила долгие годы, стала бабушкой и была вполне здоровой. Берзина даже приглашали оперировать за границу, там он делал нейрохирургические операции. К ним он был подготовлен своим образованием: Берзин окончил петербургский Нейрохирургический институт, а затем приобрел практический опыт во время первой мировой и гражданской войн, оперируя раненых в санитарном

поезде и в госпитале Добровольческой армии. В Болгарии за свое образование хирург подвергался нападкам молодых болгарских коллег, выпускников основанного в начале 1920-х гг. медицинского факультета Софийского университета, ставивших ему в вину учебу якобы не в медицинском учебном заведении. Однако болгарская общественность встала на защиту талантливого врача, и он продолжал свою деятельность в Болгарии до конца Второй мировой войны. Коллектив врачей и сестер милосердия «русской» больницы сложился еще в годы Первой мировой войны, и был хорошо вышколен. Когда прооперированные благодарили доктора Берзина за успешно проведенную операцию, он обычно отвечал, что надо прежде всего благодарить сестер милосердия за их усилия выходить больного. Обслуживание в «русской» больнице было платным, но русские эмигранты пользовались значительными льготами — плату за лечение конкретных болезней они могли заменять небольшими ежемесячными взносами, тогда их лечили бесплатно.

Вместе с военным госпиталем и частями русской белой армии в Болгарию приехало много раненых и военных инвалидов. Для них с помощью болгарского правительства и болгарской общественности был создан Русский инвалидный дом. Он располагался в окрестностях Софии, на дороге в село Княжево. Сначала под инвалидный дом болгарские власти выделили уже существовавшее здание, впоследствии был возведен еще один корпус, со временем для инвалидов удалось построить даже церковь. Обслуживали инвалидов исключительно русские. Со временем инвалидов, проживавших в доме, становилось все меньше, и их место постепенно занимали старики-эмигранты. Иногда сыновья помещали в инвалидный дом своих престарелых родителей (надо сказать, что русские женщины никогда не отдавали туда близких родственников), и тогда им предоставлялась отдельная комната, одинокие же старики жили по два-три человека в комнате. Инвалидный дом финансировался довольно скудно, для сбора средств на его содержание часто устраивались благотворительные балы.

Попытки русских начать в Софии создание индустрии развлечений не принесли успеха. Супругами Пагандци, бежавшими из России, было открыто казино, но болгары туда не ходили, а русским игра была не по карману, и казино, которое обслуживал русский персонал, через несколько месяцев закрылось.

Русские эмигранты работали честно и отвечали за результаты своего труда. Преодолев неприязнь и недоверие болгар, они превратились в желанных для болгарских работодателей и предпринимателей партнеров, которые пользовались большой популярностью, и с которыми стоило иметь дело, чтобы достигнуть хороших результатов в работе.

Постановка русского национального образования

Когда Добровольческая армия очутилась в Турции, и стало понятно, что русские солдаты, офицеры и просто беженцы станут эмигрантами надолго, встал вопрос о получении ими образования. В особенно сложном положении оказались те «добровольцы», которые, прервав свою учебу, пошли со школьной или студенческой скамьи воевать на стороне белых, а также те, кто в ходе военных действий и ухода в эмиграцию утерял аттестаты зрелости или другие документы. Для всех эмигрантов, желающих продолжить образование в высших учебных заведениях Европы, необходимо было предъявлять при поступлении документы о получении среднего образования, которых у многих не было. Выходом стало создание эмигрантами национальных русских учебных заведений. Почти одновременно в 1921–1922 гг. образовались русские гимназии в Варне, Софии, близ Тырнова, в Пештере, Шумене...

Для Шуменской гимназии болгарское правительство предоставило просторное крепкое здание, и туда вскоре отправилась из Турции большая группа офицеров (некоторым из них было уже больше двадцати лет), чтобы усестись за парты, пройти программу последних классов гимназии и сдать экзамены на аттестат зрелости. Гимназия в Варне в 1920-х гг. была передана английским благотворителям, директором ее стал англичанин, и она превратилась в англо-русское учебное заведение. При гимназиях обычно создавались интернаты для девочек и мальчиков, но Софийская гимназия долгое время имела только один «мальчишеский» интернат.

Гимназисты занимались по программам, не учитывавшим возрастной дифференциации учащихся, а ведь постепенно в старшие классы переходили из младших дети обычного гимназического возраста, вывезенные родителями из России. Они вынуждены были заниматься вместе со «стариками» под 30 лет, которые еще долго завершали свое образование в седьмом и восьмом (выпускном) классах. Помню двух таких гимназистов, учившихся со мной в одном классе (я окончила гимназию в 1933 г.). Им было по 28 лет, и оба они провалились на выпускных экзаменах.

Кроме гимназий русские эмигранты создали детские приюты и так называемые «детские садики», в которых наряду с группами для малышей были организованы младшие (для детей 7–8 лет), и старшие (для детей 8–9 лет) «подготовительные группы». В Софии работало два приюта. В начале 1920-х гг. в местности «Горна Баня» под Софией существовал детский приют для русских детей до восьми лет. Он помещался в двухэтажном здании, в котором находились спальни, но не было столовой. Дети круглый год ели во дворе, под навесом, за длинными столами. Многие были настолько малы,

что их приходилось кормить, причем воспитательницы делали это с нарушением элементарных санитарных норм. Вообще антисанитария царила в приюте: грязные простыни часто не стирались, а только просушивались, дети были вшивыми. Рядом с приютом протекал ручей, в котором летом ребяшня целыми днями купалась без всякого надзора, часто под жарким солнцем. В результате дети часто получали ожоги и страдали простудными заболеваниями. В середине 1920-х годов приют в «Горне Бане» закрыли, и вскоре был создан новый приют в городской черте Софии, рядом с парком «Борисова градина». В новом приюте воспитывались сироты или дети самых бедных эмигрантов. Здесь санитарные требования соблюдались безукоризненно: даже зубные щетки после каждого употребления дезинфицировались раствором марганцовки, отчего становились черными. Однако директриса установила в приюте режим полного молчания. Даже самые маленькие воспитанники не смели произнести ни одного звука, а воспитательницы говорили вполголоса. У детей были игрушки, но играли они молча. Когда детвору вели гулять в парк, она молча шагала парами по аллеям, и через полчаса в полном молчании возвращалась домой. Мне приходилось бывать в здании приюта у дочери директрисы, моей одноклассницы. Чтобы не нарушать установленного порядка, даже в директорской комнате мы должны были говорить тихими голосами. Неудивительно, что приютские дети выросли озлобленными и некоммуникабельными людьми. Особенно запомнилась одна девочка, учившаяся вместе со мной в гимназии. Ее взяла на воспитание бездетная замужняя женщина, которая спустя год забеременела и вернула девочку в приют. Для ребенка, начавшего нормально развиваться, это стало огромной моральной травмой. Последствия травмы сказались в гимназические годы: ученица, жившая уже в гимназическом интернате, оказалась злым и на редкость неприятным человеком.

Русские приюты и учебные заведения курировались Всероссийским союзом городов (в Болгарии эту организацию возглавлял А. В. Арцишевский, под его началом работали Ф. Л. Мартыновский, Б. Д. Горбатов и Жовнер) и Земско-городским комитетом (в Болгарии им руководил А. А. Эйлер).

Со временем русские гимназии в болгарской провинции прекращали свое существование. В начале 1930-х гг. закрылись англо-русская гимназия в Варне, Шуменская и Пештерская гимназии (последняя по имени школьной иконы носила название «Крестовоздвиженской»). Осталась только Софийская гимназия (патроном ее был чудотворец святой Николай Мирликийский). После открытия при ней «девичьего» интерната в эту гимназию перевели всех учеников и учениц провинциальных гимназий. Надо сказать, что вследствие сосредоточения всех учащихся в Софии количество учеников

Софийской русской гимназии увеличилось не намного: эмигранты уезжали из Болгарии и увозили своих детей в Западную Европу, да и количество подростков, воспитывавшихся в русских традициях, постоянно уменьшалось. Некоторые родители предпочитали отдавать своих детей во французскую школу при монашеском ордене кармелиток, в немецкую школу или в русский частный лицей В. П. Кузьминой. Однако иностранные школы не давали аттестата зрелости, и после их окончания ученикам приходилось продолжать образование в двух последних классах Софийской русской гимназии. Обычно таких учащихся в гимназию приходило два-три человека ежегодно.

Своеобразным учебным заведением был лицей Кузьминой. От петербуржцев русские эмигранты знали, что в северной столице России Варвара Павловна Кузьмина вместе с Гуревичем содержала частную школу, где обучались за большие деньги те ученики, родители которых добивались от детей не знаний, а получения документов об образовании. Нечто подобное Кузьмина организовала и в Софии. Сначала это была дорогая частная начальная школа с изучением французского языка, куда принимались болгарские дети младшего возраста. С увеличением возраста и ростом числа болгарских воспитанников (получавших, конечно, за свои деньги отличные отметки), для Кузьминой возникла опасность значительно превысить среднее для болгарских гимназий количество отличников, что могло вызвать подозрения со стороны властей. Тогда школа была преобразована в лицей. В лицей стали принимать, наряду с болгарами, бедных детей из семей русских эмигрантов. Эти дети учились бесплатно, но высоких оценок они не получали: учителя ставили таким ученикам в лучшем случае тройки. В 1933 г. Кузьмина при помощи влиятельных родителей своих учеников добилась разрешения выдавать окончившим лицей аттестаты зрелости. Тогда-то русские ученики лицея Кузьминой, желавшие поступать в вузы, а также их родители, поняли, что уровень знаний, которые дает лицей, намного ниже, чем в Софийской русской гимназии, и в русскую гимназию из разных классов лицея тоже стали переходить учащиеся. Уровень их знаний был настолько низок, что родителям приходилось приглашать репетиторов. Среди учащихся лицея Кузьминой, которых нужно было «подтягивать» до гимназического уровня, были известный впоследствии библиограф Андрей Мещерский (пришел в 3-й класс) и дочь зубного врача Нина Кончинова (пришла в 6-й класс).

В разных классах Софийской русской гимназии в 1930-х годах насчитывалось по 20–25 учеников, а в одном из классов училось, как мне помнится, всего 11 человек. Болгары в русской гимназии не учились — я помню всего одну ученицу болгарку, но она не справилась с программой и вынуждена была уйти из гимназии.

Чтобы иметь возможность поступать в Софийский университет и в другие (крайне немногочисленные) высшие учебные заведения Болгарии, учащиеся русских средних учебных заведений должны были учиться по программам, включавшим все предметы, проходившиеся в болгарских гимназиях. В Софийской русской гимназии, где я училась, не изучался греческий язык, как в болгарских классических гимназиях, но все остальные предметы преподавались по сравнению с ними даже в большем объеме. Это вызывалось необходимостью приспособления к требованиям, предъявлявшимся техническими вузами Западной Европы (ни одного технического высшего учебного заведения в Болгарии не было). Для учебы в этих вузах выделялись различные стипендии, но туда было трудно поступать ввиду отсутствия в русских гимназиях подготовки, которую в дореволюционной России давали реальные училища. Так как по причине недостаточного числа учащихся создавать для русских эмигрантов подобные училища было невозможно, пришлось заняться переработкой учебных гимназических программ. Они теперь включали предметы и темы, изучавшиеся как в гимназиях, так и в реальных училищах: было расширено преподавание математики и физики, факультативно преподавались такие дисциплины, как «Дескриптивная геометрия» и «Анализ бесконечно малых величин», затем необязательным для всех, но обязательным для учеников с техническим уклоном стало черчение.

Закон Божий изучался во всех классах, начиная с первого, где преподавался Ветхий Завет. Во втором классе проходили Новый Завет, в третьем — богослужения, в четвертом — катехизис. С изучения катехизиса начинались и занятия в пятом классе, а затем ученики переходили к усвоению истории христианского вероучения, которое продолжали в шестом классе. В седьмом классе учащиеся знакомились с различными религиями и сектами, а в восьмом закреплялись полученные ими ранее сведения по истории православия. Учителем Закона Божия в первом — третьем классах был до кончины в 1928 г. о. Василий Флоровский, настоятель Русской посольской церкви Святого Николая. Он преподавал также в «подготовительных группах», где учил малышей молитвам, рассказывал им о Священном Писании и готовил детей младшего возраста («семилеток») к первой исповеди. Перед Пасхой, в первые дни Страстной недели, когда говела вся гимназия, о. Василий исповедовал всех гимназистов. После его смерти Закон Божий во всех классах Софийской русской гимназии от первого до восьмого стал преподавать о. Георгий Шавельский, профессор богословия, который в России был протопресвитером военного и морского духовенства, то есть возглавлял военно-духовное ведомство. За героизм, проявленный во время русско-японской войны, о. Георгий был награжден Георгиевским

крестом; ордена он не носил, но священнический крест на его груди висел на георгиевской ленте. О. Георгий обычно оживлял свои занятия в старших классах чтением отрывков из Евангелий, а затем беседовал о прочитанном с учащимися.

Русский язык и литература. В первом и втором классах ученикам преподавалась грамматика, предлагалось заучить большое количество стихотворений. В третьем проходили синтаксис, в четвертом изучали древнюю русскую литературу, которую завершали в пятом классе. В пятом классе начинали также изучение классической русской литературы, и в 8 классе заканчивали курс литературой начала XX в. Параллельно, начиная с младших классов, учились писать сочинения, а также знакомились с основными этапами развития литератур Западной Европы: английской, французской, немецкой, отчасти итальянской.

География. В гимназии особое внимание обращалось на изучение географии России, причем ученики проходили не только физическую географию ряда стран, но и политическую географию.

История. Знакомство с прошлым начиналось с изучения истории русских царских династий Рюриковичей и Романовых. В третьем и четвертом классах проходили историю древних Греции и Рима, в пятом и шестом серьезно изучали историю России, в седьмом учили историю средних веков стран Европы, в восьмом классе повторяли русскую историю. Историю России учили по учебнику Елпатьевского, а по истории Греции и Рима учебников у гимназистов не было, единственный экземпляр имела только учительница истории в младших классах А. М. Попруженко (по мужу Куровец). Она сначала излагала на уроках задаваемый материал, а затем диктовала, заставляя учеников записывать основные фактические сведения — даты, названия древних городов, богов и мифических героев, причины войн и так далее. По этим кратким записям мы восстанавливали дома рассказы учительницы и потом отвечали на уроках домашние задания; такая подготовка полностью себя оправдывала. В старших классах историю преподавал бывший учитель истории одной из одесских гимназий Валериан Антонович Жуковский. В Одессе у него еще учились некоторые из наших родителей. Учитель имел особую книжечку, в которой каждому уроку была отведена отдельная страничка. Начиная урок, Валериан Антонович обращался к классу с вопросом: «Кто сегодня не может отвечать?». У тех, кто поднимал руку, учитель брал по одному леву и записывал эти взносы в книжечку. Затем он переходил к опросу других учеников, занося в классный журнал хорошие отметки. Если же ученик отвечал на тройку или двойку, Жуковский взимал с него также лев, и при уплате этой мзды в журнал отметку не ставил. На следующем уроке все уплатившие штрафные левы должны были ответить по материалу

предыдущего урока, из левов же постепенно составлялась солидная сумма, которая шла на оплату учебы в гимназии бедняков. Таким образом, создавался стимул для тщательной подготовки учащихся и одновременно решались проблемы оплаты учебы тех, кому за учение платить было трудно.

Латинский язык. Его преподавала в 1–6 классах доцент Клавдия Васильевна Флоровская (вернулась на родину в 1955 и скончалась в Москве в 1964 г.). В двух старших классах латыни гимназистов и гимназисток обучал директор Софийской русской гимназии А. П. Стефанов, он требовал такого знания своего предмета, что на уроках Анатолия Павловича ученики говорили на латыни. Помню один курьезный случай: кому-то из великовозрастных учеников, бывшему офицеру белой армии Стефанов поставил двойку, а тот, идя на свое место, громко сказал: «С красными сражался, под обстрелом был, так двойкой меня не испугаешь!»

Иностранные языки. Во всех классах гимназии изучалось два иностранных языка: французский и второй по выбору — немецкий или английский. Почти все ученики, как нашего класса, так и других классов, занимались немецким языком, и только один или два человека уходили во время соответствующего урока изучать английский. Учебниками иностранных языков мы пользовались теми, которые продавались в болгарских магазинах, но эти учебники были составлены применительно к программам болгарских гимназий, где язык изучался только на протяжении двух-трех лет. Поэтому в старших классах мы занимались практическим изучением языков: читали сказки Андерсена, «Письма с моей мельницы» и «Малыша» А. Додэ, покупали немецкие романы «Вторая жена», «Исповедь старой девы» и др., писали диктанты, делали всяческие упражнения, шлифовали грамотность.

«Болгарские» предметы. В гимназии изучались болгарский язык, история и география Болгарии, но этим предметам не уделялось должного внимания, хотя какие-то сведения по ним мы все же получили. Преподавали «болгарские» предметы болгары, учителя русского языка болгарских гимназий, скорее практиковавшиеся, как мне кажется, в нашей гимназии в русском языке, чем учившие нас болгарскому.

Естественные науки. Их изучение начиналось в первом и втором классах с природоведения, затем следовали ботаника (третий), зоология (четвертый), анатомия и физиология (пятый и шестой), химия и геология (седьмой и восьмой классы). По естественнонаучным предметам нас не вызывали отвечать на уроках, а проверяли знания учащихся письменными контрольными работами после изучения каждого раздела программы. Темы каждому ученику предстояло выбирать из нескольких билетов, разложенных на учительском

столе на подобие экзаменационных, поэтому приходилось готовиться по всему разделу. Вели уроки естественных наук на протяжении многих лет А. А. Рязанов (он был одновременно школьным врачом), а затем последовательно выпускники русской гимназии, В. В. Кладов и Р. С. Берегов, окончившие Софийский университет.

Математика, физика и космография. Эти предметы преподавал профессор К. И. Иванов; в части классов математику вел также бывший одесский учитель Даниил Наумович Савченко, одновременно руководивший мужским гимназическим интернатом. Профессор Иванов обычно брал на себя преподавание математики в двух первых классах, с которыми проходил всю программу, а после окончания гимназии восьмиклассниками вновь брал себе часы по математике в первом классе; он преподавал по совместительству также на курсах стажеров при III образцовой мужской болгарской гимназии. В Софийской русской гимназии изучались следующие разделы математики: арифметика, алгебра, геометрия, стереометрия, тригонометрия, аналитическая геометрия. Физику учили еще по дореволюционному учебнику Краевича, к которому К. И. Иванов делал свои дополнения. Особенно интересны были занятия по космографии, оригинальный курс которой был разработан профессором Ивановым.

Философская пропедевтика и политическая экономия. Эти предметы изучались в седьмом классе. Надо сказать, что знания по последней дисциплине очень пригодились мне в 1990-е годы, когда пришлось делать переводы по экономической тематике и применять в них специальные термины. Редакторы Бюро переводов Российской академии наук этих терминов не знали и критиковали меня, например, за употребление словосочетания «привилегированные акции»; пришлось объяснять им значение термина, и я с благодарностью вспомнила гимназические уроки.

Черчение. Начинали мы с рисования в младших классах, потом черчение было введено как обязательный предмет, но требования нашего преподавателя, бывшего полковника артиллерии были так высоки, что мы очень страдали. В конце концов, черчение сделали обязательным только для тех, кто хотел поступать в технические вузы. Однако полученных навыков мне хватило, чтобы удивить вузовского профессора по курсу машиностроения, когда пришлось в Софийском университете изучать этот предмет. Профессор даже спросил меня, не работала ли я чертежницей.

В русских учебных заведениях весь воспитательный процесс осуществлялся на религиозной основе. Ученики Софийской русской гимназии были обязаны ежедневно посещать русскую церковь, и если в дни учебных занятий кто-то отсутствовал на обедне, ему приходилось представлять классному наставнику записку от

родителей с объяснением этого факта. Гимназия старалась участвовать в церковной жизни. Накануне Вербной субботы гимназисты делали бумажные цветы, украшали ими пучочки вербы, а в день праздника продавали свое рукоделие у входа в храм; выручка шла в пользу храма, к ней прибавлялись пожертвования, которые получали на церковь продавцы в виде доплаты к своему грошовому товару. В русской церкви часто пел гимназический хор. Хор, в котором пели гимназисты, разучивал преимущественно религиозные песнопения, которые исполнял в русской церкви во время литургий. На литургиях гимназический хор обязательно пел в дни святого Николая Чудотворца, патрона гимназии. Когда отмечался юбилей П. И. Чайковского, хор исполнил литургию на музыку композитора.

При гимназии существовала довольно приличная библиотека. В ней имелись произведения классиков русской литературы и некоторые дореволюционные школьные учебники. Учебников не хватало, их получали в первую очередь ученики, жившие в интернатах, туда давали один экземпляр на несколько человек. Приходилось меняться учебниками при подготовке уроков, но в конце концов все как-то утрясалось. Персонал гимназии (а все основные предметы, как видно из предыдущего, нам преподавали учителя из России) очень следил за тем, чтобы гимназисты регулярно пользовались школьной библиотекой и заранее читали произведения классиков русской литературы, которые должны были проходиться в том или ином классе. Поэтому дефицита времени на подготовку к занятиям по литературе не было, в ходе занятий о творчестве того или иного писателя приходилось перечитывать только некоторые, притом уже знакомые вещи.

Софийская русская гимназия не получала достаточных сумм из тех скудных средств, которые болгарское правительство выделяло на многочисленные нужды русской эмиграции (содержание больницы, амбулатории, гимназий и детских садиков, инвалидного дома и др.) Поэтому обучение было платным, и эта плата многим была не под силу. Родительский комитет постоянно собирал пожертвования, но наиболее активно он искал лиц, которые выплачивали бы ученикам стипендии. Некоторые ученики не знали, кто за них платит, однако были и такие благодетели, которые постоянно интересовались своими стипендиатами, помогали им в приобретении учебных пособий, даже приглашали их в гости. Несколько стипендий для отличников учредило также болгарское Министерство народного просвещения.

Наиболее значительные средства поступали обычно после устраиваемых гимназией традиционных рождественских балов, на посещение которых распространялись платные билеты. На балах продавались программки, устраивались лотереи и так далее. Худо-

жественная часть бальной программы исполнялась гимназистами и гимназистками всех возрастов, начиная с самых младших.

Гимназисты носили форму: мальчики — черные брюки и черные, большей частью сатиновые гимнастерки, подпоясанные кожаным ремешком. У них были также форменные фуражки с гербом гимназии: две веточки обрамляли буквы СРГ, означавшие «Софийская русская гимназия». У девочек было две формы — зимняя и летняя. Зимой носили черные сатиновые халатики с длинными рукавами (сначала они застегивались спереди, потом застежки зашили, и халат нужно было надевать через голову) или зимние платья из черной шерстяной материи. Халаты и платья подпоясывались матерчатым пояском, к ним подшивался белый воротничок, у выреза был черный бант. На голове девочки носили черные береты, опоясанные черной же лентой с гербом гимназии. Летняя форма состояла из темно-синей юбки, белой блузки с черным бантом на груди и белой панамки с черной лентой и гимназическим гербом.

Верхняя одежда у гимназистов была разная: некоторые старшеклассники всю зиму ходили, например, в осенних прорезиненных плащах, становившихся на морозе негнушимися, деревянными, у других вообще не было верхней одежды, и им приходилось во весь дух бежать из интерната в гимназию.

Помещалась гимназия там, где ей предоставлялось место государственными организациями Болгарии. До 1925 г. занятия проходили в здании 2-й софийской мужской гимназии на углу улиц «Царь Аспарух» и «Витошская». Утром здесь учились болгары, а с 14 часов — русские дети. В 1925/1926 учебном году гимназисты занимались в помещении болгарской 4-х классной прогимназии, но там было очень тесно и неудобно, и в следующем году гимназия переехала в училище «Васил Априлов», размещавшееся в прекрасном здании, с просторными светлыми классами, гимнастическим залом, где мы занимались маршировкой и гимнастическими упражнениями с булавами, с широкими коридорами (в одном из них на втором этаже ежедневно собиралась перед началом уроков на общую молитву вся гимназия), с большим двором и садом. В училище было только одно неудобство — маленькие парты, за которыми занимались болгарские школьники: там болгарам давалось начальное образование, и утром в здании учились малыши. После ухода болгар в начале первого служитель проветривал все помещения и обрабатывал их раствором карболки. Нередко, приходя в классы, мы обнаруживали лужицы этого раствора, но зато ни одна из эпидемий среди болгарских школьников нас не затронула.

Гардероба в училище не было, его заменяли доски с гвоздями, повешенные около каждого класса, но этими досками пользовались мало — отапливались классы только утром, для болгар, и в холодные

зимние дни на втором или третьем уроках приходилось накидывать пальто. Не было и электрического звонка. В коридоре второго этажа висели стенные часы, и около них стоял на табурете большой колокол, которым служитель оповещал об окончании урока. Урок длился сорок минут, перемена — пять минут.

Занятия в Софийской русской гимназии начинались в 14 часов. В 13.45 все учащиеся по классам со своими классными наставниками парами шествовали в коридор второго этажа; сбоку от гимназистов выстраивались участники хора. Начиналась молитва. Гимназический хор исполнял «Царю Небесный», «Отче наш», «Богородице Дево радуйся», молитву покровителю гимназии святому Николаю Чудотворцу «Правило веры». Затем директор делал какие-либо сообщения, и ученики расходились по классам. В начале занятий дежурные сообщали об отсутствующих учениках. Они следили за состоянием доски, приносили тряпки и мел, доставляли в классы необходимые учебные пособия (карты, Евангелия на уроках Закона Божьего и др.). По окончании последнего урока дежурный читал молитву «После учения», и мы расходились по домам. На уроках Закона Божьего на обязанности дежурного лежало, кроме того, чтение молитв «Перед учением» и «После учения» в начале и конце урока.

У гимназистов бывали проступки, за которые их наказывали: ставили в классе к стене на время урока, под часы в коридоре на полчаса или на целый урок после окончания занятий; в редких случаях выгоняли из класса.

Гимназия имела знамя с изображением святого Николая Чудотворца. Обычно с ним гимназисты выходили на школьные парады в День святых Кирилла и Мефодия 24 мая. В этот день все софийские школьники строились со своими знаменами на площади около Собора Александра Невского. Обычно они уже были одеты по-летнему. После торжественного молебна царь Борис III обходил строй, здоровался с каждым учебным заведением и поздравлял всех с праздником. Потом царь направлялся к дворцу и, стоя в дворцовом саду у входа в здание, принимал парад; учащиеся проходили по дворцовому саду от восточных ворот к западным. Знамя русской гимназии, по сложившейся уже традиции, нес восьмиклассник, его сопровождали два ассистента.

В Софийской русской гимназии еще сохранялись многие из российских традиций. Большинство учителей обращалось к ученикам «Вы», в старших классах, вызывая к доске, учителя обращались к ученикам: «Пожалуйста, госпожа». Выходя к доске и садясь после ответа на место, а также встречая учителя в коридоре, девочки должны были сделать реверанс, а мальчики наклонить голову и шаркнуть ногой. Как и в России, в Софийской русской гимназии для оценки знаний, в отличие от принятой в Болгарии 6-балльной

системы, применялась 5-балльная. В 1929 г. болгарское министерство предложило ввести 6-балльную систему также в русских гимназиях, но многие учителя Софийской и других гимназий проигнорировали это распоряжение, за что впоследствии гимназистам пришлось расплачиваться. Через пару лет Министерством народного просвещения Болгарии было издано распоряжение об освобождении учащихся от выпускных экзаменов по тем предметам, по которым они имели за восемь лет учебы средний балл 5,5 и выше. Вследствие применения 5-балльной системы отметки учеников русских гимназий оказались заниженными, и перед выпускными экзаменами 1933 г. министерство потребовало от русских гимназистов экзаменоваться по всем 17 изучавшимся предметам, а они к этому оказались не готовыми. Родители протестовать не осмелились, и в гимназии в юбилейном для нее 1933 г. ни один ученик не был удостоен золотой или серебряной медали.

Болгарское министерство народного просвещения за программами и содержанием обучения в русских гимназиях следило очень внимательно, поскольку выпускники этих гимназий, как и выпускники болгарских школ, имели право поступать в болгарские высшие учебные заведения на все факультеты и специализации по конкурсу аттестатов зрелости.

На каждом факультете Софийского университета был выделен определенный процент мест, предназначенных для русских эмигрантов: на медицинский факультет ежегодно принимали, например, 100 болгар и 10 русских с «нансеновскими» паспортами (особыми действующими в разных странах удостоверениями личности, выдаваемыми эмигрантам, не получившим гражданства страны пребывания). На специальность «химия», куда поступала я, полагалось зачислять 22-х болгар и 2-х русских. Русские должны были набрать для поступления тот «проходной балл», который набирали болгары. Эмигранты, получившие болгарское гражданство, были приравнены к коренному населению и в «русскую квоту» не входили. В первые годы пребывания в Болгарии эмигранты еще не владели болгарским языком, и в Софийском университете им часто разрешалось отвечать на экзаменах на русском языке, поскольку на многих факультетах университета преподавали эмигрировавшие из России профессора или воспитанники русских учебных заведений, хорошо знавшие русский.

В 1920 г. в Софии по инициативе русского правоведа профессора П. М. Богаевского и болгарского академика С. С. Бобчева был организован Свободный университет, готовивший специалистов в области экономики и права. В Свободном университете обучение было вечерним, занятия проводились не каждый день, студенты в университет принимались без конкурса, обучение длилось четыре

года. Это давало возможность совмещать работу с учебой, и было особенно удобно для лиц среднего возраста, значительное число которых училось в Свободном университете вместе с болгарскими и русскими юношами и девушками.

В Софийском университете и в других высших учебных заведениях Болгарии обучение было платным. Существовал Союз русских студентов, который имел средства на оплату учебы, но его деятельность направляла ведущая военно-политическая организация русской эмиграции — Российский общевоинский союз (РОВС), стоявший на непримиримых антисоветских позициях. Поэтому от платы за обучение освобождались только студенты, угодные РОВС'у. Были и такие «счастливицы», которые одновременно жили и питались в студенческом общежитии, и даже получали небольшие суммы на карманные расходы. Те же студенты, взгляды которых РОВС почему-либо не устраивали, даже на самую минимальную помощь рассчитывать не могли. Таким студентам приходилось учиться, одновременно зарабатывая средства на жизнь и учебу. Я знаю случаи, когда молодым людям, чтобы получить высшее образование, приходилось один год учиться, а другой работать, и срок обучения в таком случае удваивался. Один студент-математик Софийского университета жил во время «учебного года» зимой в сыром подвале одного софийского частного болгарского дома, и вместо платы за квартиру должен был удалять скапливавшуюся там воду. В «рабочий год» он трудился на шахте под Софией. Этому знакомому нашей семьи удалось окончить университет и получить место учителя математики в одной из болгарских провинциальных гимназий. Он сделал неплохую карьеру, дослужившись до директора гимназии, но был совсем одинок, и школьные каникулы проводил в Софии, чтобы пообщаться с близкими ему русскими эмигрантами.

До Второй мировой войны кадры инженеров и других технических специалистов готовились за рубежами страны. Также дело обстояло с зубными врачами и фармацевтами — в Софийском университете существовал медицинский факультет, но там соответствующих специалистов не готовили. Те русские эмигранты, которые желали получить высшее техническое образование, должны были учиться за границей. Некоторым студентам удавалось получать для этого стипендии (большую их часть выделяла американская благотворительная организация, которую возглавлял профессор Уиттимор), нескольких выпускников ежегодно принимал на бесплатное обучение Лувенский университет в Бельгии. Однако университет в Лувене был католическим, и чтобы продолжать пользоваться льготами на старших курсах, там приходилось отказываться от православия и принимать католическое вероисповедание. Нашу гимназию окончили два брата, ставшие студентами университета в Лувене.

Чтобы не менять веру они пошли на то, чтобы удлинить время учебы: братья учились поочередно — один прерывал на год учебу, чтобы работать и содержать учившегося, а затем наступала очередь работать другого брата. Известны были и случаи перехода русских студентов в католичество, но таких было мало, и делали это те студенты, которые не отличались религиозностью. У многих студентов попытки заставить их принять католичество вызывали активный протест. Мне известен, например, юноша, который, совершенно не будучи верующим, ушел из университета в Лувене, так как считал спекуляцию на религиозных чувствах недостойной и недопустимой.

В заключение нельзя не вспомнить с глубокой благодарностью наших наставников — учителей русских гимназий, которые по мере своих сил старались, чтобы гимназисты и в эмиграции оставались русскими людьми, чтобы они полюбили Россию, чтобы в их плоть и кровь вошло все русское — история, культура, литература, причем старались при этом не подчеркивать своих политических пристрастий. Жалование русских преподавателей было низким, условия жизни нелегкими, иногда им приходилось брать дополнительную работу, однако они трудились с подлинным вдохновением и героизмом.